

И СУДОПРОИЗВОДСТВО

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ

В январе этого года Президент России рекомендовал Верховному Суду РФ изучить вопрос о возможности введения института следственных судей. Юридическое сообщество активно обсуждает это предложение. Поможет ли введение института следственных судей решить проблемы уголовного процесса?

Следственный судья выполняет функцию контрольного органа на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, он призван обеспечивать состязательный характер предварительного расследования, способствовать сбору и проверке доказательств.

Сторонники введения института следственных судей указывают на следующие преимущества:

- институт следственных судей будет выполнять роль независимого предварительного фильтра, гарантируя направление в суд только достаточно обоснованных обвинений;
- институт следственных судей предоставляет сторонам равные возможности в формировании доказательств, тогда как сейчас сторона защиты этой возможности фактически лишена;
- судья, рассматривающий дело по существу, будет лишен возможности составить неофициальное мнение о виновности подсудимого, возникающее в ходе подготовки дела к слушанию.

Возникает ряд сомнений в эффективности введения данного института. Следственные судьи призваны обеспечивать контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования и его состязательный характер. Однако согласно Конституции РФ состязательным является все уголовное производство (начиная с дознания), а не только уголовное судопроизводство. Сейчас сторона защиты может представлять доказательства следователю, поэтому говорить об ограничении ее прав на состязательность, наверное, все-таки нельзя.

Стоит отметить, что функция следственного судьи определять допустимость или недопустимость доказательств хоть и способна помочь суду, рассматривающему дело по существу, но не лишает стороны возможности оспорить этот вывод в апелляции или кассации.

По завершении следствия следственный судья принимает постановление о направлении дела в суд либо прекращает дело. Но такие постановления подлежат обжалованию, и получается еще больше работы по преодолению препятствий в доведении дела до суда.

Следственный судья, не отнимая функций уголовного преследования у полиции и прокуратуры и иных правоохранительных органов, фактически станет еще одним контролирующим элементом в движении уголовного дела от органа дознания к следователю, руководителю следственного органа, потом к прокурору, а затем уже в суд.

Получается, что именно следственный судья будет предварительно выносить решение самим фактом передачи дела в суд, поскольку именно он будет определять достаточность или недостаточность доказательств для признания обвиняемого виновным. А судье, рассматривающему дело по существу, останется только подписать решение следственного судьи. Процедура предварительного следствия усложнится, а гарантий соблюдения прав вряд ли удастся добиться.

Российское законодательство предусматривает и разумные сроки проведения предварительного следствия, и состязательность сторон. Проблема в том, что не все положения закона исполняются. Эффективность исполнения законов зависит не столько от внедрения новых законов или институтов, сколько от механизма, позволяющего его исполнить.

Елена Муравьева,
младший юрисконсульт,
ООО «Центр правового обслуживания»,
г. Москва

КОЛЛИЗИОННЫЙ СУД – РЕВОЛЮЦИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Создание Коллизионного суда – это введение нового правового инструмента, с помощью которого можно оперативно доработать и усовершенствовать нормативную базу путем гибкого реагирования на ее недостатки. Иными словами, эффективно реализовать принцип обратной связи в правотворческой деятельности.

Александр СУСЛИН,
к. ю. н., начальник юридического управления,
ООО «ПетербургГаз»,
г. Санкт-Петербург

Годами мы наблюдаем ситуацию, когда выявленный на практике, очевидный для всех юристов недостаток нормативного акта (пробел, противоречие, техническая ошибка и пр.) продолжает существовать и препятствовать должному правовому регулированию. Лишь многие месяцы и даже годы спустя законодатель устраняет дефект права. Причем такая ситуация характерна не только для федеральных законов, но и для постановлений Правительства.

У государства сегодня есть два методологических подхода преодоления проблем дефекта права.

Первый подход – судебная система (в том числе и прецедент), но этот инструмент хорош лишь для восполнения пробелов в правовом регулировании, при этом страдает недостатками (противоречивость судебной практики, медленность, неудобность применения и пр.).

Второй подход – через обращение в Конституционный Суд. Но данный подход также больше ориентирован на восполнение пробелов в праве. Кроме того, отдавая должное мастерству интерпретаторов текста Конституции, заметим, что вряд ли соответствует здравому смыслу ситуация, когда под видом толкования принятого десятилетия лет назад нормативного документа ученые-юристы пытаются дать ответы на вызовы современности, которые в годы принятия конституции еще даже не предполагались.

Аналогия с Конституцией США и ее толкованием понятна, но она выглядит еще более странно. Здесь уже один шаг до искусства толкования Библии и иных священных книг. Вряд ли современная парадигма научного познания должна мириться с такими архаизмами.

Мы предлагаем опыт поиска свежего решения указанной проблемы. В частности, оптимальным решением проблемы будет такое, которое позволит скорректировать недостатки нормативной базы, выявленный в конкретном судебном деле, с одной стороны, оптимально быстро, а с другой стороны, исключит возможность повторного появления в деятельности судов подобной проблемы.

Полагаем, что необходимо создать новый источник права – более динамичный, чем традиционные, и потому способный быть инструментом для коррекции последних.

Итогом применения этого правового инструмента становится имеющий юридическую силу акт, не только позволяющий разрешить конкретную правовую ситуацию, спровоцировавшую его создание, но и являющийся правовой основой для дальнейшего

разрешения аналогичных вопросов остальными судами в ключе сформулированного в данном акте алгоритма (правила, нормы).

В дальнейшем эти акты применяются как источники права, являясь при этом своеобразной формой законодательной инициативы. Например, ближайшее по времени «редактирование» данного закона (подвергшегося коррекции с помощью этих актов) автоматически включает в себя (если законодатель при этом специально не оговорит иное) и изменения (дополнения), сформулированные в этих актах, после чего эти акты утрачивают силу, а сформулированные первоначально в них нормы действуют уже в качестве закрепленных в законе.

Заметим, что создание такого правового инструмента не означает простого делегирования части полномочий законодателя какому-то другому государственному или иному органу – латание отдельных дыр в законодательстве не способно существенно изменить сформулированный государством политический курс, тем более что предпринимаемые с помощью этого правового инструмента коррекции законодательства легко могут быть устранены законодателем и действительные только до момента принятия следующей редакции изменяемого этими корректирующими воздействиями закона. В любом случае такое делегирование – значительно лучшая альтернатива, чем передача неурегулированных вопросов целиком на судейское усмотрение.

Новый правовой инструмент (его предназначение) не предполагает наделения всех судов правом издавать прецедентные решения и нормативные акты вообще. Необходимость унифицированности (взаимоувязанности) корректирующих дефекты права воздействий предполагает наличие одного централизованного органа власти, осуществляющего эту de facto (а возможно, и de jure) специфическую нормотворческую деятельность.

Думаем, что процедура передачи «проблемного» дела на рассмотрение упоминаемого выше специализированного органа (после предварительного слушания, удостоверяющего специфику дела (то есть его подведомственность) должна означать его выключение из стандартного процесса последовательного перетекания дела из одной процессуальной стадии в другую и принятие его к рассмотрению специализированным органом для решения вопросов дефекта права.

Затем этот специализированный орган рассматривает суть проблемы дефекта права, принимает решение о коррекции такой нормы права (исправление дефекта, пробела), после чего передает дело в суд первой инстанции (или иной орган власти, из производства которого данное дело было временно выключено в связи с передачей в

этот специализированный орган) для решения дела по существу в соответствии с сформулированной этим специализированным органом нормой права.

При этом специализированный орган иницирует корректировку исправленного им нормативного акта через обычные (существующие сегодня) способы законодательной инициативы.

Разумно, если такое решение указанного специализированного органа будет иметь ограничение срока действия, например, на срок до рассмотрения Федеральным собранием (Государственной Думой) законопроекта, внесенного этим специализированным органом в связи с исправлением дефекта права.

Необходимо признать, что данный специализированный орган будет единственным (помимо Федерального Собрания и КС РФ) органом, чьи решения будут иметь силу закона (пусть и временную).

Итак, сформулируем теперь общую картину того, что же у нас получилось (для удобства изложения будем называть этот судебный орган Коллизионным судом).

Речь идет о специальном органе власти, специализирующемся на решении вопросов дефекта права – восполнении пробелов, коллизий путем формулирования новых и (или) коррекции действующих правовых норм в выносимых им решениях.

Решения Коллизионного суда имеют большую юридическую силу, чем законы и иные нормативные акты (кроме конституционных законов и Конституции), и, не отменяя их, обязывают все судебные органы применять сформулированные в его решении правовые нормы и не применять противоречащие им положения закона.

Решения Коллизионного суда подлежат обязательному опубликованию.

Периодически, одновременно с очередным изменением (дополнением) затрагиваемого ими законов, сформулированные в них нормы автоматически включаются в тексты их новых редакций, если Федеральное Собрание не примет специального решения по данному вопросу.

Одновременно с переходом сформулированных в решениях Коллизионного суда норм в соответствующие законы, тексты этих решений утрачивают нормативное значение, а сформулированные первоначально в них нормы применяются уже в качестве положений закона.

Такова общая схема предлагаемого решения проблемы.

Считать ли Коллизионный суд специфическим правотворческим органом или же правоприменительным и называть ли его решения нормативными актами или же судебными прецедентами, на самом деле не столь важный вопрос. Мы полагаем, что Коллизионный суд – это нечто третье, специфичное, не сводимое к чему-то одному и даже к сумме заимствованных конструктивных элементов.

Возможность появления и практической реализации идеи создания подобного органа власти объективно обусловлена как развитием информационных технологий, так и эволюционным развитием юриспруденции, усложнением системы общественных отношений. ➤

ЦЕЛИ